

*Т.В. Смирнова***Лишенцы г. Сергиева: 1920-е годы**

«Пиво отпускается только членам профсоюза». Сейчас эта фраза из романа «Золотой теленок» у большинства вызывает недоумение или улыбку. Не то было в 1920-е годы. С 1918 по декабрь 1936 существовала такая репрессивная мера, как лишение избирательных прав. А лишенцы – так называли лиц, лишенных избирательных прав, – не могли быть членами профсоюза. Одновременно они теряли и еще ряд прав: их не принимали на работу в государственные учреждения и на промышленные предприятия, не ставили как безработных в очередь на бирже труда, а неработающих лишенцев выселяли из Москвы. Им не давали пособий и пенсий. Их дети не могли учиться дальше 7-го класса (а в иные годы – 4-го). Когда в конце 1928 г. ввели карточную систему распределения продуктов, лишенцам карточек не дали.

Чтобы выжить, некоторые семьи лишенцев брались выращивать собак для пограничных войск, поскольку таким собакам давали карточки на продукты¹.

Те, кто имел золото, обменивали его на продукты в торгсинах. Но власти стали делать у лишенцев обыски, реквизируя золото.

И шутка про пиво недалеко от правды. Сергей Михайлович Голицын в своих воспоминаниях приводит случай, когда его чуть не арестовали – он имел неосторожность зайти в Москве в столовую, а оказалось, что там обслуживают только по талонам. Талоны же давали на предприятии. Голицыны из-за княжеского происхождения были лишенцами, потому не имели права работать на предприятии и, следовательно, пообедать в столовой².

Местные власти придумывали дополнительные притеснения. Например, было время, когда в центре Ленинграда лишенцы были вынуждены пользоваться керосиновыми лампами – электричество им отключали³.

В начале 1990-х годов член «Мемориала» А.И. Добкин изучал хранящиеся в ГПБ им. Салтыкова-Щедрина списки лишенцев за отдельные годы по нескольким городам⁴. Есть также исследование по лишенцам в Москве⁵.

В Сергиево-Посадский историко-художественный музей-заповедник от одного из жителей города поступили три списка лиц, лишенных избирательных прав при выборах в городской совет г. Сергиева (так назывался Сергиев Посад с 1919 до 1930 г.). Это списки января 1926, декабря 1928 и дополнительный список января 1929 г. (инв. №№ 156–158 кв).

Документы эти ценны тем, что, во-первых, дают сведения по небольшому уездному городу (численность населения 21400 человек по переписи 1926 г., из них совершеннолетних – 13326)⁶, в то время как А.И. Добкин располагал списками в основном по областным городам и нескольким рабочим поселкам. Во-вторых, появилась возможность проследить динамику изменения числа лишенцев в одном городе. Важно еще и то, что если первый список относится к периоду, который можно считать расцветом НЭПа, то второй – к его концу.

В начале 1926 г. в городе оказалось всего 354 лишенца (примерно 2,7 % от числа взрослых жителей). Через три года их стало уже 1528 (т.е. около 11,5%). Этот резкий скачок, очевидно, связан с изменением внутренней политики государства.

Хотя еще в 1925 г. была принята обязательная к применению инструкция ЦИК СССР о том, кого следует лишать избирательных прав, в 1926 г. в Сергиеве она, видимо, не использовалась. В списке указан род занятий человека, причина лишения избирательных прав, документ, по которому произведено лишение. Причина для всех (за исключением нескольких человек, лишенных прав по суду) одна: «Живет на нетрудовые доходы».

Большая часть лишенцев – торговцы. Доля предпринимателей очень невелика: несколько содержателей постоянных дворов, чайных, кондитерской, колбасной. Немного попало в список и представителей духовенства –

священников и диаконов. Немногочисленна также доля собственно «бывших», т.е. дворян. Интересны касающиеся их формулировки. Так, для В.С. Трубецкого в графе «Чем занимается в настоящее время» указано: «Музыкант». В графе «Документ» простодушно записано: «б. Князь» (так, с прописной буквы!). Трубецкой в то время работал тапером в кинотеатре, а также играл на виолончели в составе трио, которое выступало в кинотеатре перед сеансами и в ресторане.

Для Ю.А. Олсуфьева занятие «Не выяснено». В то время он был старшим помощником хранителя Сергиевского историко-художественного музея с окладом 64 руб. 80 коп. В графе «Документ» стоит – «б. Граф». А.Д. Шаховская оказалась лицом без определенных занятий. В это время она работала в Краеведческом музее, и незадолго перед тем как раз вышел статистико-экономический сборник «Сергиевский уезд», открывавшийся ее статьей о природе края. Входила она и в состав редакционной комиссии сборника. Но она – «дочь б. Князя». С такой же формулировкой внесена в список ее сестра, причем под девичьей фамилией. По паспорту у нее была фамилия мужа.

Видно. Что при составлении списка власти руководствовались не инструкцией, а классовым чутьем.

В 1928 г. уже использовали инструкцию, указывая ее пункт против каждой фамилии. По-прежнему в списке оказалось больше всего торговцев, в несколько раз выросла доля духовенства (включили монахов) и почти на порядок доля собственно «бывших». В инструкции были перечислены дореволюционные должности, звания и чины, обладание которыми влекло лишение избирательных прав (министры, губернаторы, прокуроры, предводители дворянства и т.д.). В список включили и большое число женщин-дворянок, хотя в дореволюционной России феминизация не зашла так далеко, чтобы женщины занимали упомянутые в инструкции должности. Большинство эти лишенки были или домашними хозяйками, или, в прошлом, сестрами милосердия, а в 1928 г.

работали в медицинских учреждениях города. В список попали и дворянки преклонного возраста, и многодетные матери. Не пощадили ни 64-летнюю племянницу жены А.С. Пушкина Н.И. Гончарову, ни имевшую в то время семерых детей Е.В. Трубецкую.

Загадочно включение в список лишенцев людей, которых в то время в городе уже не было. Еще в мае 1928 г. в Сергиеве прошли масштабные аресты по так называемому делу «Антисоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево Московской области»⁷. Арестованные были приговорены к высылке или получили «минус», т.е. запрещение жить в Москве и нескольких городах и областях. Возможно, что имела место простая небрежность составителей, которые перенесли фамилии из какого-то промежуточного, недошедшего до нас списка. Но, вероятно, существовало требование вышестоящих властей увеличить число лишенцев, потому и включили «мертвые души». Косвенным подтверждением этой гипотезы служит появление дополнительного списка уже через месяц после основного. Видимо, план по лишенцам вначале не был выполнен.

Производили «зачистку», добирая духовенство и членов семей, находившихся на иждивении лиц, лишенных избирательных прав (они тоже становились лишенцами). В категорию членов семей попадали престарелые родители, иногда – достигшие 18-летнего возраста дети, а больше всего жены – в 1920-х годах в провинции невозможно было обойтись без домашней хозяйки, если не было прислуги. Доля лишенцев – членов семей и в списке 1926 г., и в списке 1928 г. была около 40%.

Результаты исследования социальной структуры лишенцев, произведенного А.И. Добкиным, и сведения, полученные при обработке сергиевских списков, совпадают только частично. Одинакова доля торговцев – около 40%. Несколько выше оказалась в Сергиеве доля духовенства: по Добкину, в городах 5–8%, в Сергиеве в 1929 г. – 13%. Среди предпринимателей лишенцев

в Сергиеве было значительно меньше, чем подсчитано Добкиным, что естественно для города с неразвитой промышленностью. Сильно отличалась ситуация с собственно «бывшими». Подсчеты Добкина показывают, что их доля резко росла, достигая 30% к 1925 г., потом стремительно падала (к 1930 г. до 2–4%). Он объясняет это тем, что сначала совершенствовался механизм выявления, потом эти люди переходили в категорию лишенных прав по суду или административно высланных.

Другая картина в Сергиеве. В маленьком городе «бывшие» были на виду, и особого механизма выявления не требовалось. В глаза бросались, конечно, прежде всего титулованные дворяне, они и попали в список 1926 г. А уже через три года включили в список всех дворян. Добкин полагает, что «просто дворян» включали в списки лишенцев по неграмотности властей. По крайней мере, в Сергиеве это объясняется чужеродностью «бывших», которые были здесь приезжими, а не коренными жителями, и, конечно, классовой ненавистью.

Примечательно, что один из них – В.С. Трубецкой – по словам М.М. Пришвина, выступая в кинотеатре перед сеансами и на всяких вечерах, завоевал сердца местной публики. «На простой дудочке князь Трубецкой с аккомпанементом пианиста и второй скрипки играл так очаровательно, что раз даже начальник милиции не выдержал, послал музыкантам записку, и Трубецкой объявил свой номер: ”По требованию начальника милиции будем исполнять «Не искушай»”»⁸.

По-видимому, этим объясняется, что В.С. Трубецкой и его жена не попали в число арестованных 1928 г. по делу, сфабрикованному местными властями. Мало того, хотя Трубецкой и был лишен избирательных прав, он оставался членом профсоюза и мог работать. Только весной 1929 г. его «разъяснили», исключили из Всерабиса, и тогда он автоматически был уволен из кино. Пришвин считал, что Трубецкой долго имел возможность работать «по простоте властей». Дело, скорее, было не в «простоте», а в произволе властей.

Нравившийся всем князь продержался в городе до 1934 г., когда его арестовали по «делу славистов», инспирированному уже центральными органами госбезопасности.

В качестве примеров ущемления прав лишенцев в Сергиеве можно привести запись в дневнике Пришвина 1930 г. о том, что из больницы выкидывают больных лишенцев⁹. И его же очерк «Клубника» о соседском подростке, проявившем столь незаурядный интерес к литературе, что писатель удивился, почему тот не учится. Оказалось, что не берут дальше учиться, так как родители – лишенцы. И этот «инженер человеческих душ» посоветовал парнишке «потерять» паспорт, бросить родителей и куда-нибудь уехать. Юноша не последовал совету. Но ведь немало было и тех, кто поступил именно так. Такая репрессивная мера, как лишение избирательных прав, разрушила немало семей.

В 1918 г. Ленин писал: «...мы вас [эксплуаторов – Т.С.] сделаем бесправными, мало того: мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут бесправны, будут лишены огня и воды»¹⁰.

Надо признать, что понятие «эксплуаторы» в 1920-х годах трактовалось более чем широко.

¹ Голицын С. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 435.

² Там же. С. 422.

³ Нечаева Т.А. Протоиерей Владимир Александрович Рыбаков // Звезда. 1990. № 9. С. 97.

⁴ Добкин А.И. // Звенья. М.; СПб. 1992. Вып. 2. С. 600–610.

⁵ Бородкин Л.И., Рогалина П.Л. и др. Лишенные избирательных прав в Москве в 1930–1930-е годы. М., 1998.

⁶ Справочник по населенным местам Московской губернии: По материалам Всесоюзной переписи 1926 года. М., 1929. С. 10–11.

⁷ Половинкин С.М., Флоренский П.В. Второй арест // П.А. Флоренский: арест и гибель. Уфа, 1997. С. 42–45.

⁸ Пришвин М.М. Дневники: Рукопись // Архив Дома-музея М.М. Пришвина в Дунине.

⁹ Пришвин М.М. Дневник. 1930 год // Октябрь. 1989. № 7. С. 144.

¹⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 37. С. 290–291.